

Новгородские гусли XII в. с зооморфным декором:
западноевропейские аналогии
и возможный символический смысл

Анна А. Слапиня

*Благотворительный фонд «Частный музей русской иконы»,
Москва, Россия, annaslapina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена декору деревянных гуслей первой половины XII в., найденных во время археологических раскопок 1969 г. в Великом Новгороде. Проводится параллель между украшающей новгородские гусли зооморфной резьбой в виде драконьих голов и сходным декором западноевропейских средневековых музыкальных инструментов – цитолей и арф. Указывается, что такие арфы с зооморфным декором не дошли до наших дней, но известны по миниатюрам с царем Давидом в европейской средневековой псалтирях. Также анализируется граффити с изображением льва и птицы, расположенное на дне новгородских гуслей. Иконографические параллели этому граффити находятся в композициях с царем Давидом на порталах церкви Покрова на Нерли (1165 г.). Высказывается гипотеза о том, что декор новгородских гуслей имеет символическое значение и в нем отражена тема царя Давида.

Ключевые слова: Великий Новгород, археология, Средние века, Древняя Русь, иллюминированные рукописи, гуси, арфа, царь Давид, дракон, граффити

Для цитирования: Слапиня А.А. Новгородские гусли XII в. с зооморфным декором: западноевропейские аналогии и возможный символический смысл // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1. С. 85–97. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-85-97

12th century gusli
with zoomorphic decorum from Novgorod:
Western European analogies
and possible symbolic meaning

Anna A. Slapinia

*Charitable Foundation "The Private Museum of Russian Icon",
Moscow, Russia, annaslapina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the decorum of the wooden gusli (psaltery) found during archaeological excavations in Novgorod the Great in 1969. This artefact, dated from the first half of 12th century, is decorated with two carved dragon's heads. Also there are depicted graffiti carvings: one with dragon's heads and another one with a lion and a bird. The similarity between carved dragon's heads at gusli from Novgorod and decorum of Western European medieval musical instruments (citoles and harps) is found. There is mentioned in the article that images of harps with zoomorphic decorum are known from miniatures with King David depicted in medieval illuminated psalters. Also it is found that the graffiti with a lion and a bird has iconographic parallels in the stone carvings with King David on the walls of the Church of the Intercession on the River Nerl (1165) situated near the city of Vladimir in Russia. Therefore a hypothesis about reflection of King David's theme in the decorum of gusli from Novgorod is expressed.

Keywords: Novgorod the Great, archaeology, Middle Ages, Old Rus, book illumination, gusli, psaltery, harp, King David, dragon, graffiti

For citation: Slapinia, A.A. (2022), "12th century gusli with zoomorphic decorum from Novgorod: Western European analogies and possible symbolic meaning", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Linguistics. Culturology" Series*, no. 1, pp. 85–97, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-85-97

Музыкальная археология Великого Новгорода – отдельное направление исследования исторического наследия, помогающее понять быт и культуру средневековых горожан. Особая ценность новгородского археологического материала заключается в том, что здесь, в сохраняющем органику влажном грунте, найдено некоторое количество деревянных музыкальных инструментов – гуслей и гудков, редко встречающихся в других городских центрах Древней Руси. Поэтому новгородская музыкальная археология имеет расширительное значение: она дает представление о древнерусской музыкальной культуре в целом [Поветкин 1994; Поветкин 1997].

Рис. 1. Гусли. Великий Новгород, первая половина XII в.

Фрагмент: лицевая сторона окрылка.

Фотография предоставлена

Новгородским музеем-заповедником, Великий Новгород

Данная статья посвящена одной из новгородских находок – деревянным гуслиям с зооморфным декором первой половины XII в. [Колчин 1971, с. 18–19], происходящим из раскопок 1969 г. на Тихвинском раскопе Великого Новгорода и хранящимся в Новгородском музее-заповеднике (инв. НГМ КП 25405/35 А-20/35). Гусли сделаны из цельного куска еловой древесины, их размер составляет 35,3 x 11,5 x 3,7 см [Колчин 1971, с. 18]. Они относятся к типу крыловидных гуслей с игровым окном (иначе – лирообразных гуслей), распространенных с XI до середины XIII в. [Вертков 1971, с. 277–279; Поветкин 2002, с. 162–164; Поветкин 1989, с. 116]. Конструкция рассматриваемых гуслей традиционна для музыкальных инструментов этого типа, но их декор уникален.

Окрылок гуслей оформлен объемным резным декором в виде двух звериных голов, которые далее мы вслед за Б.А. Колчиным и Е.А. Рыбиной будем называть драконьими [Колчин 1971, с. 18; Рыбина 1998, с. 18]. Одна голова располагается в завершении окрылка, она двухсторонняя: левая, более проработанная ее сторона, находится на лицевой стороне окрылка, а правая, менее проработанная – на оборотной. Вторая голова вырезана только на лицевой стороне. Она располагается в месте перехода от окрылка к крытцу.

*Рис. 2. Гусли. Великий Новгород,
первая половина XII в.
Оборотная сторона.
Фотография предоставлена
Новгородским музеем-заповедником,
Великий Новгород*

У головы, расположенной в завершении окрылка, с лицевой стороны изображены каплевидный глаз, приоткрытый рот, маленькие уши, ошейник, а за ошейником, на шее – несколько выполненных в технике граффити дугообразных штрихов, имитирующих чешую. Из ее рта растет язык или отросток, закручивающийся петлей и затем становящейся гривой второй головы. С оборотной стороны голова в завершении окрылка проработана менее тщательно: глаз и рот имеют более простую форму, вместо высунутого изо рта отростка или языка существо как будто закусывает собственную конечность. При этом на шее зверя так же, как и на лицевой стороне, показан ошейник. Его перекрывает граффити в виде каплевидного орнамента – возможно, изображающее крыло.

Вторая голова, располагающаяся в месте перехода от окрылка к корытцу, изображена только на лицевой стороне. Но и здесь она сохранилась не полностью – по краю гуслей проходит скол дерева, поэтому детали проработки не видны. Однако по сохранившемуся абрису заметно, что, видимо, обе головы на лицевой стороне были одинаковыми.

Также на лицевой стороне окрылка изображены еще две (или даже три, но последняя читается крайне плохо) звериные головы, выполненные в технике граффити, которые Е.А. Рыбина считает эскизами к объемному декору гуслей [Рыбина 1998, с. 18]. Дно гуслей украшает композиция, также выполненная в технике граффити: здесь изображены лев и птица.

На наш взгляд, граффити могли быть выполнены не мастером, который исполнил объемную резьбу, а другим человеком – например владельцем. На это указывает заметная разница в исполнении объемной резьбы, которую (во всяком случае, на лицевой стороне предмета) явно делал профессиональный резчик, и граффити, которые по своему художественному качеству скорее относятся к бытовым рисункам. На то, что композиция со львом и птицей, вероятно, была исполнена позже, указывал и Б.А. Колчин [Колчин 1971, с. 18].

Возможно, ситуация развивалась следующим образом. Заказчик получил готовый инструмент и решил сам украсить его дополнительными рисунками. На лицевой стороне он срисовал головы животных с ближайшего образца – резного зооморфного декора самих гуслей, а на оборотной стороне выполнил композицию со львом и птицей, взятую с какого-либо внешнего образца.

Резное оформление окрылка рассматриваемых гуслей уникально. Окрылки найденных во время археологических раскопок в Новгороде лирообразных гуслей часто украшались орнаментальными мотивами, но зооморфный декор встречается крайне редко. Нам известен лишь еще один подобный случай – это гусли рубежа XII–XIII вв., тоже происходящие из Новгорода и хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве [Поветкин 1997, с. 181, табл. 108,3]. Их окрылок также завершается зооморфной резьбой, но значительно более примитивной.

Необычность декора новгородских гуслей с Тихвинского раскопа заставляет обратиться в поисках аналогий к зарубежному материалу. В данной статье внимание будет сосредоточено на западноевропейских примерах. Стоит оговориться, что речь будет идти не о поиске аналогичных предметов, а исключительно о принципе декорирования музыкальных инструментов зооморфными элементами и художественных параллелях.

Уникальным примером дошедших до наших дней западноевропейских музыкальных инструментов с зооморфным декором является хранящаяся в Британском музее (инв. 1963, 1002.1) цитоль раннего XIV в., в конце XVI столетия переделанная в скрипку [Robinson, Speakman, Buehler-McWilliams 2015]. Завершение (голова) этой цитолы декорирована изображением дракона, как бы

обернувшегося назад и захватывающего зубами орнаментальную окантовку музыкального инструмента. Вся цитоль покрыта тонко проработанной резьбой из флоральных элементов, среди которых разыгрываются сцены охоты и борьбы зверей и фантастических существ.

Безусловно, цитоль из Британского музея и новгородские гусли – это предметы совершенно разного уровня исполнения, богатства декорации и стоимости. Но одинаковые по своей структуре завершения этих двух музыкальных инструментов наводят на мысль о возможной общности традиции.

Цитоль из Британского музея – единственная дошедшая до наших дней [Speakman 2015, p. V], но в средневековом изобразительном искусстве сохранилось немало изображений цитолей, в том числе с зооморфными головами. Например, в руках одного из апокалиптических старцев на портале Пуэрта-дель-Сарменталь собора в Бургосе (около 1235 г.), в Псалтири Робера де Лилль (De Lisle Psalter, Британская библиотека, Arundel MS 83 II, f. 134 v, ранний XIV в.) или в Псалтири королевы Марии (The Queen Mary Psalter, Британская библиотека, Royal MS 2 B VII, f. 174 и f. 192 v, 1310–1320 гг.), а также в ряде других памятников.

Однако декор в виде звериных голов был характерен не только для цитолей. Псалтирь Питерборо (Peterborough Psalter, Королевская библиотека Бельгии, MS 9961–62, f. 14, 1300–1318 гг.) украшает инициал 'B', в котором рядом присутствуют два персонажа: один играет на цитоле с зооморфной головой, а второй – молодой царь Давид – на арфе с зооморфным декором. Средневековая арфа – второй музыкальный инструмент, который, судя по сохранившимся изображениям, было принято украшать изображением головы животного. Притом в случае с арфой декор часто строился таким образом, что изо рта этой головы как бы выросло продолжение рамы, т. е. весь инструмент превращался в кусающее себя за хвост животное.

До наших дней не сохранилось не только ни одной средневековой арфы с зооморфным декором, но и вообще ни одной европейской арфы или ее фрагмента ранее XIII–XIV вв. Самый ранний дошедший до нас инструмент датируется XIV в. [Rensch 1972, p. 28; Rensch 2017, p. 29]. Это так называемая арфа Бриана Бору (или «арфа из Тринити-колледжа» – по месту хранения) [Clark 2003, p. 49]. Однако она как раз зооморфного декора не имеет. Средневековые арфы, украшенные звериной головой, известны только по изображениям.

Таких изображений достаточно много. В Часослове Вульфстана Вустерского (St. Wulfstan's Portiforium, Кембридж, Корпус-Кристи

колледж, MS 391, p. 24, 1060–1069 гг.) угол колковой рамы в месте ее соединения с колонной оформляет львиная голова. В Псалтири Хантера (The Hunterian Psalter, Библиотека Университета Глазго, Sp Coll MS Hunter U.3.2 (229), f. 21 v, около 1117 г.) арфа украшена двумя зооморфными головами: одна на углу, в месте схода колковой рамы и колонны, вторая в месте соединения колонны с декой, она как бы кусает деку. В Псалтири Лансдауна (Британская Библиотека, Lansdowne 420, f. 12, 1220-е гг.) голова дракона на конце колковой рамы как бы закусывает колонну. В Таймутском часослове (The Taumouth Hours, Британская Библиотека, Yates Thompson 13, f. 30, вторая четверть XIV в.) драконья голова расположена на колонне и держит во рту продолжение этой колонны. Примерно такая же позиция зооморфной головы на колонне арфы присутствует в упомянутой выше миниатюре Псалтири Питерборо. Аналогичное украшение можно увидеть у арфы в руках царя Давида, изображенного в своде башни Лонгторп (Longthorpe Tower) на окраине Питерборо (XIV в.).

Изображения арф, украшенных зооморфными головами, встречаются не только на Британских островах, но и в других регионах Европы. Например, в инициале баварской псалтири (Баварская государственная библиотека, Clm 23111, f. 2, вторая четверть XIII в.), в рукописи из Камбре (Публичная библиотека Нью-Йорка, MA 4, f. 193, около 1280 г.) или в псалтири из Тулузы (Библиотека Тулузы, Ms 144, f. 24, вторая половина XIV в.). Можно найти еще немало таких примеров, что говорит о том, что арфы с зооморфным декором, как и цитолы с подобными украшениями, были достаточно распространенным явлением.

Стоит отметить, что во всех указанных выше памятниках арфа с зооморфным декором изображается в руках царя Давида. Это объясняется тем, что в западноевропейском средневековом искусстве музыкальным инструментом библейского царя довольно часто становилась именно рамочная европейская арфа ('frame harp') – предшественница современной концертной арфы. Хотя возможны и другие варианты. Иногда царь Давид изображался с округлой лирой, как в Псалтири Веспасиана второй четверти VIII в. (The Vespasian Psalter, Британская библиотека, Cotton MS Vespasian A I, f. 30 v) или в немецкой миниатюре второй-третьей четверти XII в. из Британской библиотеки (Harley MS 2804, f. 3 v). А в некоторых случаях он держит прямоугольный струнно-щипковый инструмент. Такой инструмент представлен, например, на листе 17 об. Псалтири Тиберия (Tiberius Psalter, Британская библиотека, Cotton MS Tiberius C VI, вторая-третья четверть XI в.). На данной миниатюре он подписан как 'psalterium', т. е. собственно псалтирь.

В то же время на листе 10 той же рукописи царь Давид играет на рамочной арфе, украшенной декоративным элементом в виде львиной ноги на конце колонны. Это говорит о том, что автор сознательно изобразил два разных музыкальных инструмента.

Вариативность изображаемых в руках царя Давида музыкальных инструментов при скудности археологических данных является для исследователей, с одной стороны, основанием для гипотез о времени появления самих этих инструментов, а с другой – фундаментом для размышлений об их символической нагрузке. Так, Р. Ренш отмечает, что до VIII в. в изображениях царя Давида присутствует только лира, а с IX в. начинает изображаться также арфа, что в совокупности с другими данными может говорить о времени появления европейской рамочной арфы. В то же время в треугольной арфе, постепенно вытеснившей в миниатюрах с царем Давидом лиру, исследовательница видит и символическую составляющую – возможно, три ее угла символизируют Троицу [Rensch 2017, p. 32].

Обилие изображений арф с зооморфным декором в средневековом искусстве и, вероятно, распространенность самих этих музыкальных инструментов в Средние века ставит вопрос о причинах появления подобного декора. Можно отметить, что зооморфные головы (в данном случае – головы быков) украшали еще музыкальные инструменты Древнего мира – знаменитые арфы из Ура. Но такая преемственность является очень дальней и фактически недоказуемой. Зооморфный декор средневековых арф может объясняться не древней, пережившей несколько тысячелетий традицией, а христианским символизмом или литературной образностью. Так, Р. Ренш предполагает, что львиные головы в декоре арф связаны с историей царя Давида – победителя льва. С этим же сюжетом исследовательница связывает львиные головы и лапы, которыми в некоторых псалтирях украшен его трон [Rensch 2017, p. 36]. С. Бриз обращает внимание на то, что музыкальные инструменты присутствуют в загадках Эксетерского кодекса (*The Exeter Book*, Эксетер, библиотека собора, MS 3501, X в.), где они описываются так, будто речь идет о людях или животных. Например, рог обладает «речью» и «голосом», волынка обретает «клюв» и становится подобна птице, лира обозначается как «человек» или «существо» [Breeze 2018, pp. 107–108]. Таким образом, они предстают в загадках в образах живых существ, наделяются их внешним видом и звучанием. Такое «оживление» вполне естественно, ведь музыкальные инструменты, подобно людям и животным, издают звуки. Мы можем наблюдать его и в современном языке: например, в выражении «скрипка плачет». Вероятно, в средневековом мире это «оживление» могло

становиться еще более наглядным и находить выражение в визуальных формах инструмента.

Завершив краткий экскурс в мир западноевропейских музыкальных инструментов с зооморфным декором, нужно вернуться к предмету, которому посвящена эта работа – гуслим первой половины XII в. из Новгорода. Древняя Русь не знала арфы. Место струнно-щипкового инструмента, ассоциированного с царем Давидом, здесь, по всей видимости, занимали гусли. На это указывают, например, знаменитые рельефы на фасадах церкви Покрова на Нерли (1165 г.). Инструмент в руках царя Давида здесь показан достаточно условно, но, вероятно, это как раз крыловидные гусли. В инициалах XIV в. известно несколько изображений персонажей с гуслиями, которых исследователи ассоциируют с царем Давидом [Смирнова 2000, с. 319–330], хотя здесь показаны уже не крыловидные, а шлемовидные гусли, получившие распространение в XIV в.¹ [Вертков 1971, с. 275–277; Поветкин 2003, с. 229]. С такими же шлемовидными гуслиями Давид представлен в Лицевом Летописном своде XVI в. – в сцене игры перед Саулом (Хронографический сборник, Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, собрание Петра I (П I Б), № 76, старый шифр – 17.17.9, л. 49 и л. 90).

Можно предположить, что, вырезая зооморфные изображения на гуслиях, новгородский мастер учитывал не только бытовое назначение, но и символическое значение предмета, и поэтому применил в нем декор, заимствованный у западноевропейского музыкального инструмента, наделенного в культуре тем же смыслом.

В этом контексте можно рассматривать и декор дна новгородских гуслей. Здесь изображены лев и птица, эти же животные присутствуют по сторонам от царя Давида в рельефах церкви Покрова на Нерли. В обоих случаях львы представлены с оскаленными зубами и процветшими хвостами, но в то же время они находятся в подчиненном положении относительно птиц. Прототипом граффити на гуслиях первой половины XII в. не могла быть белокаменная резьба церкви Покрова, созданная во второй половине этого столетия. Возможно, непосредственным образцом стал какой-то предмет с изображением этих животных (например, серебряный с чернью браслет), но выбрана композиция, скорее всего, была не случайно, а благодаря ее символическому смыслу. Стоит отметить, что дно гу-

¹ *Фаминицин А.С.* Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примѣрами. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 92–104.

слей не видно слушателям во время игры, а значит декор этой части инструмента был особенно важен именно для владельца. Вероятно, можно говорить о какой-то традиции исполнения таких скрытых от слушателей символически значимых граффити, так как известен еще по крайней мере один подобный пример: на оборотной стороне гуслей третьей четверти XIII в. из Гданьска прочерчен орнамент в виде узлов [Jażdżewski 1966, p. 9].

Подводя итог, предлагаем следующую гипотетическую реконструкцию условий появления этого инструмента и его декора. Возможно, заказчик просил сделать ему особенно изысканные гусли, чтобы играть «как царь Давид». Этот заказ был воплощен мастером с оглядкой на западноевропейскую арфу с зооморфным декором (инструмент библейского царя) или на западноевропейскую миниатюру с царем Давидом, играющим на такой арфе. Получив гусли, заказчик дополнил их декор с помощью граффити. Так на лицевой стороне появились дополнительные звериные головы, а на дне – не видная слушателям, но символически важная для заказчика композиция.

В заключение отметим, что выбранное нами направление поиска аналогий является не единственно возможным. Так, струнно-щипковый музыкальный инструмент наподобие арфы, украшенный головой дракона, присутствует и в восточном искусстве. Например, в миниатюре с интронизацией монгольского правителя из хулагуидского «Сборника летописей» первой четверти XIV в. (Восточный отдел Берлинской государственной библиотеки, MS Diez A f. 70, p. 5) [Kuehn 2011, p. 192]. Вместе с тем стиль исполнения этой драконьей головы ориентальный, находящий параллели в китайском искусстве, в то время как стиль дракона на новгородских гуслях все же тяготеет к западноевропейским образцам.

Новгородские гусли ставят и еще одну проблему, связанную со значением образа дракона в новгородской культуре. В Новгороде найдено немало бытовых предметов и ювелирных изделий с изображением этого существа. В.М. Василенко, опираясь на Б.А. Рыбакова, связывал их с языческим влиянием и легендой о живущем в Волхове драконе-змие [Василенко 1978, с. 328–330]. Однако в контексте современного научного знания эта гипотеза требует пересмотра и образ дракона должен рассматриваться с учетом восточных и западных художественных влияний, которым подвергалось искусство стоявшего на торговых путях средневекового Новгорода.

Литература

- Василенко 1978 – *Василенко В.М.* Образ дракона-змея в новгородских деревянных ковшах // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 326–332.
- Вертков 1971 – *Вертков К.А.* Типы русских гуслей // Славянский музыкальный фольклор: Статьи и материалы / Сост.-ред. И.И. Земцовский. М.: Музыка, 1972. С. 275–286.
- Колчин 1971 – *Колчин Б.А.* Новгородские древности: Резное дерево. М.: Наука, 1971. 62 с.
- Поветкин 1989 – *Поветкин В.И.* О происхождении гуслей с игровым окном (из опыта восстановительных работ) // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 116–127.
- Поветкин 1994 – *Поветкин В.И.* Музыкальные древности Новгорода // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород, 1994. С. 67–74.
- Поветкин 1997 – *Поветкин В.И.* Музыкальные инструменты // Древняя Русь: Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 179–185.
- Поветкин 2002 – *Поветкин В.И.* Которым же княгиня Ольга внимала гуслиам? // У истоков Новгородской земли: Любытинский археологический сборник / Отв. ред. В.Л. Янин. Любытино, 2002. Вып. 1. С. 160–166.
- Поветкин 2003 – *Поветкин В.И.* Гудебные сосуды древних псковичей. Ч. 1 // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция: В 2 т. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 224–235.
- Рыбина 1998 – *Рыбина Е.А.* Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Отв. ред. В.Л. Янин; Ред.-сост. Т.А. Пушкина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 15–27.
- Смирнова 2000 – *Смирнова Э.С.* Мотивы тератологического орнамента русских рукописей: «Авторский портрет», «Давид-псалмопевец» // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори / Сост. А.А. Турилов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 311–335.
- Breeze 2018 – *Breeze S.* Greeting the Lyre: Instrumental Interrelationships in the Anglo-Saxon Cultural Imagination // *Quaestio Insularis*. 2018. No. 19. P. 92–125.
- Clark 2003 – *Clark N.J.* The story of the Irish Harp: Its history and influence. Lynnwood, WA: North Creek Press, 2003. 192 p.
- Jążdżewski 1966 – *Jążdżewski K.* O zagadnieniu polskich instrumentów strunowych z wczesnego średniowiecza // *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi, Seria archeologiczna*. 1966. Nr. 12. P. 7–35.

- Kuehn 2011 – *Kuehn S.* The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art. Leiden/Boston: Brill, 2011. XIII, 298 p.
- Rensch 1972 – *Rensch R.* The Development of the Medieval Harp: A Re-examination of the Evidence of the Utrecht Psalter and its Progeny // *Gesta*. 1972. Vol. 11. No. 2. P. 27–36.
- Rensch 2017 – *Rensch R.* Harps and Harpists, Revised Edition. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 384 p.
- Robinson, Speakman, Buehler-McWilliams 2015 – The British Museum Citole: New Perspectives / Ed. by J. Robinson, N. Speakman, K. Buehler-McWilliams. L.: The British Museum, 2015. XIX, 156 p. (British Museum Research Publication, vol. 186).
- Speakman 2015 – *Speakman N.* Introduction // The British Museum Citole: New Perspectives / British Museum Research Publication. Vol. 186 / Ed. by J. Robinson, N. Speakman, K. Buehler-McWilliams. L.: The British Museum, 2015. P. V–IX.

References

- Breeze, S. (2018), “Greeting the Lyre: Instrumental Interrelationships in the Anglo-Saxon Cultural Imagination”, *Quaestio Insularis*, no. 19, pp. 92–125.
- Clark, N.J. (2003), *The story of the Irish Harp: Its history and influence*, North Creek Press, Lynnwood, WA, USA.
- Jażdżewski, K. (1966), O zagadnieniu polskich instrumentów strunowych z wczesnego średniowiecza, *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi, Seria archeologiczna*, no. 12, pp. 7–35.
- Kolchin, B.A. (1971), *Novgorodskie drevnosti. Reznoye derevo* [Novgorod antiquities. Carved wood], Nauka, Moscow, Russia.
- Kuehn, S. (2011), *The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Povetkin, V.I. (1989), “About the origin of gusli with a play window (from the experience of restoration work)”, in Fedorov-Davydov, G.A. (ed.), *Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda* [History and Culture of an Ancient Russian City], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 116–127.
- Povetkin, V.I. (1994), “Musical antiquities of Novgorod”, in Yanin, V.L. and Gaydukov, P.G. (eds.), *Novgorodskie arkheologicheskiye chteniya* [Novgorod Archaeological Readings], Novgorod, Russia, pp. 67–74.
- Povetkin, V.I. (1997), “Musical instruments”, in Kolchin, B.A. and Makarova, T. I. (eds.), *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Russia. Life and Culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 179–185.
- Povetkin, V.I. (2002), “What kind of gusli did Princess Olga listen to?”, in Yanin, V.L. (ed.), *U istokov Novgorodskoy Zemli: Lyubyntinskiy arkheologicheskiy sbornik* [At the Origins of the Novgorod Land: Lyubyntinsky Archaeological Digest], vol. 1, Lyubyntino, Russia, pp. 160–166.

- Povetkin, V.I. (2003), "Vessels for the humming of the ancient Pskovites. Part 1", in Sedov, V.V. (ed.), *Pskov v rossiyskoy i evropeyskoy istorii (k 1100-letiyu pervogo letopisnogo upominaniya)* [Pskov in Russian and European History (to the 1100th Anniversary of the First Chronicle Mention)], Moskovskii gosudarstvennyi universitet pečhati, Moscow, Russia, pp. 224–235.
- Rensch, R. (1972), "The Development of the Medieval Harp: A Re-examination of the Evidence of the Utrecht Psalter and its Progeny", *Gesta*, vol. 11, no 2, pp. 27–36.
- Rensch, R. (2017), *Harp and Harpists, Revised Edition*, Indiana University Press, Bloomington, IN, USA.
- Robinson, J., Speakman, N. and Buehler-McWilliams, K. (eds.) (2015), *The British Museum Citole: New Perspectives*, The British Museum, London, UK. (British Museum Research Publication, vol. 186)
- Rybina, E.A. (1998), "Drawings of medieval Novgorodians (by archaeological materials)", in Yanin, V.L. (ed.), *Istoricheskaya arkheologiya: Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina* [Historical Archeology. Traditions and Perspectives. To the 80th anniversary of D.A. Avdusin], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia, pp. 15–27.
- Smirnova, E.S. (2000), "Motives of teratological ornament of Russian manuscripts: 'Author's portrait', 'David the psalmist'" in Turilov, A.A. (ed.), *Florilegium: K 60-letiyu B.N. Flori* [Florilegium. To the 60th anniversary of B.N. Flori], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 311–335.
- Speakman, N. (2015), "Introduction", in Robinson, J., Speakman, N. and Buehler-McWilliams, K. (eds.), *The British Museum Citole: New Perspectives*, The British Museum, London, UK, pp. V–IX. (British Museum Research Publication, vol. 186)
- Vasilenko, V.M. (1978), "The image of the dragon-serpent in the Novgorod wooden ladles", in Nikolayeva, T.V. (ed.), *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Russia and the Slavs], Nauka, Moscow, Russia, pp. 326–332.
- Vertkov, K.A. (1971), "Types of Russian gusli", in Zemtsovskii, I.I. (ed.), *Slavyanskii muzykal'nyi fol'klor. Stat'i i materialy* [Slavic Musical Folklore. Articles and Materials], Muzyka, Moscow, Russia, pp. 275–286.

Информация об авторе

Анна А. Сланина, Благотворительный фонд «Частный музей русской иконы», Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 3, стр. 1; annaslapina@gmail.com

Information about the author

Anna A. Slapinia, Charitable Foundation "The Private Museum of Russian Icon", Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 3, Goncharnaia St., Moscow, Russia, 109240; annaslapina@gmail.com